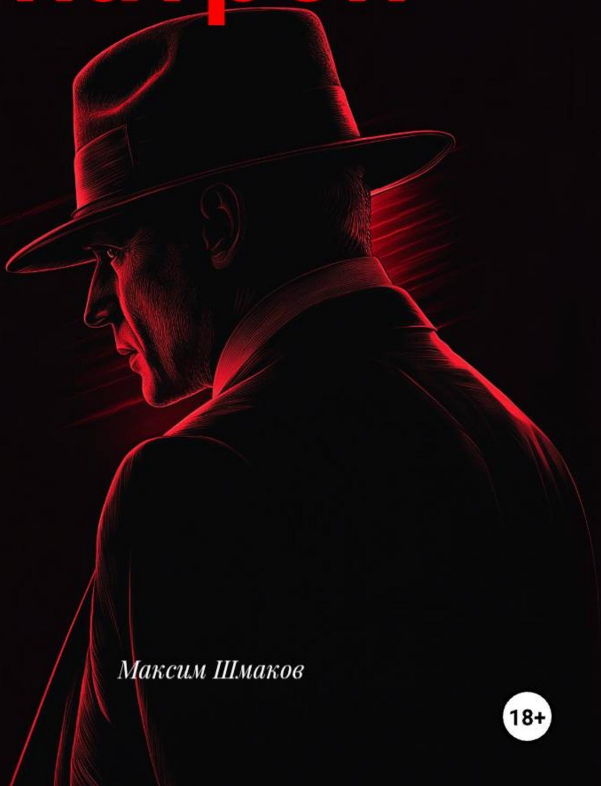

Седьмой патрон

Максим Шмаков

18+

Максим Шмаков

Седьмой патрон

<https://litres.ru/74201067>

SelfPub; 2026

Аннотация

В полуночном баре, куда приходят те, кому некуда идти, детектив Илья Зыбин оказывается втянут в водоворот интриг. Здесь, среди дыма дешёвых сигарет и мерцания ламп дневного света, сплетаются судьбы бывших полицейских, контрабандистов и тех, кто хранит страшные тайны города.

Илья ищет компромат на мэра, но вместо этого находит себя самого: разбитого, расщеплённого и балансирующего на грани безумия. Бар становится для него зеркалом сознания, где каждый посетитель — отражение его страхов или инструмент заговора.

Кто настоящий враг? Город, который пожирает своих детей? Система, которая стерла грань между реальностью и симуляцией? Или собственное сознание, которое отказывается подчиняться логике?

М. Ш.предлагает читателю напряжённую игру с восприятием реальности. «Седьмой патрон» — это выстрел в сердце нуарного жанра, заряженный психологическим триллером и паранойей. Книга о том, как далеко может зайти человек, чтобы сохранить остатки своего «я», даже если мир вокруг уже давно сошёл с ума.

Максим Шмаков

Седьмой патрон

Пролог

Вода в водостоке ревела так, словно пыталась проглотить весь полуподвал вместе с кирпичной кладкой. Снаружи была среда, пятнадцатое июля две тысячи двадцать шестого года, где-то там люди покупали мороженое и жаловались на духоту. Здесь, на глубине трех ступеней под уровнем асфальта, время давно свернулось до состояния вечной без пяти минут полночь.

В баре «Полуночный перекрёсток» пахло мокрой псиной, пережаренным кофе и дешевым одеколоном отчаяния.

Илья сидел за стойкой третий час. Его чашка из толстого фаянса опустела еще в десять вечера, но он продолжал медленно вращать ее по липкому дереву, рисуя невидимые круги. Напротив него, через два высоких табурета, застыл человек, которого все звали Скульптором. Он не пил. Перед ним стоял стакан с минеральной водой, в которой таяли четыре идеальных кубика льда. Скульптор смотрел только на эти кубики. В одном из них, глубоко внутри замерзшей структуры, был запаян микроскопический силиконовый пакетик —

улика, способная отправить мэра города на пожизненное или сделать его абсолютным диктатором. Пакетик жег лед изнутри холодом другой температуры.

— Твой информатор опаздывает, — голос Скульптора звучал как шорох сухого песка. Он даже не повернул головы.

Илья промолчал. Его информатор лежал сейчас лицом в сточную канаву в двух кварталах отсюда. Пуля вошла ему точно в затылок, когда он выходил из телефонной будки. Илья узнал об этом сорок минут назад — вибрация дешевого кнопочного телефона в кармане пальто, один беззвучный звонок от неизвестного номера. Фотографии убийства адвоката были похоронены вместе с их носителем. Но здесь, под тусклой лампой над бильярдным столом, этого пока никто не знал.

За дальним столиком, в самом темном углу бара, майор Громов методично разбирал свой табельный пистолет. Макарова. Старый, надежный кусок стали. Он выкладывал патроны на залитую чем-то бурым салфетку ровным рядом: шесть латунных цилиндров слева направо. Седьмой он зажал между большим и указательным пальцами, катая холодный металл по костяшке. Завтра у него самолет. Послезавтра его лицо будут искать на камерах наблюдения во всех аэропортах страны. А сегодня он пришел сюда просто посидеть в темно-

те, потому что собственная квартира казалась ему размером со спичечный коробок, в котором невозможно дышать. Громов поднял глаза, посмотрел на спину Ильи и едва заметно кивнул. Илья увидел это отражение в мутной витрине за рядами бутылок.

Лестница скрипнула.

Звук шагов сверху перебил гул дождя. Они были слишком легкими для курьера Скульптора и слишком тяжелыми для мертвого информатора Ильи. Аркадий, хозяин заведения, протирал полотенцем одну и ту же граненую рюмку уже битый час. При звуке шагов он замер. Полотенце зависло в воздухе. Рука Аркадия плавно скользнула под стойку, туда, где старые мастера встраивали кнопку вызова охраны или полку с дробовиком. Но рука остановилась. На лице бармена не дрогнул ни один мускул.

Дверь распахнулась, впуская порыв ветра, запах озона и шум ливня. Фигура на пороге пошатнулась, схватившись рукой за косяк. Это была девушка лет двадцати. Дешевый тканевый плащ промок насквозь и потемнел, волосы прилипли к бледному лицу. Она тяжело дышала, глядя расширенными зрачками в полумрак бара.

Скульптор перестал смотреть на лед. Его взгляд переме-

стился на руки девушки. Она прижимала к груди пластиковую папку-вкладыш. Обычную канцелярскую папку, которая вымокла настолько, что документы внутри наверняка превратились в серую кашу. Но Скульптор смотрел не на бумагу. Он смотрел на то, как побелели костяшки пальцев незнакомки.

Девушка сделала шаг внутрь. Вода стекала с ее плаща прямо на ступени, собираясь в маленькую черную лужу.

Аркадий отложил рюмку. Достал из-под стойки чистый стакан. Не спрашивая, поставил его перед девушкой. Затем взял чайник, из носика которого шел густой пар, и налил доверху кипятку. Поставил чайник на подставку с легким стуком, который в наступившей тишине прозвучал как выстрел.

Часы над стойкой вздрогнули. Медный маятник качнулся в последний раз. Бронзовые молоточки ударили по двенадцати гулким тарелочкам.

Полночь.

Где-то в подвале, прямо под ногами сидящих, вода из забитого водостока наконец нашла щель в старой трубе канализации и хлынула вниз, заливая картонные коробки дяди Коли. Коробки, в которых хранились вещдоки по всем

нераскрытым делам этого города за последние тридцать лет. Чернила начинали плыть. Прошрое буквально тонуло в дерьме настоящего.

А наверху, в красном свете диванов, пять человек впервые посмотрели друг на друга по-настоящему.

Глава 1. Седьмой патрон

Тишина, наступившая после удара часов, оказалась тяжелой и вязкой. Она легла на плечи Ильи плотнее мокрого пальто. Девушка в дверях моргнула, стряхивая воду с ресниц, и сделала неуверенный шаг к стойке. Ее каблук чавкнул по луже на резиновом коврике. Звук был до неприличия громким.

Скульптор не шевелился. Его стакан с минеральной водой покрылся сетью мелких трещин от перепада температур — лед внутри таял слишком быстро, высвобождая микроскопический пакетик с компроматом прямо в газировку.

— Закрой дверь, Соня, — голос Аркадия прозвучал так же ровно, как если бы он попросил передать солонку. Он плеснул в ее стакан немного кипятка из чайника, разбавляя крутой кипяток до состояния терпимого тепла. — Ты простудишь мне пол.

Девушка вздрогнула. Пластиковая папка в ее руках хрустнула. Она оглянулась через плечо на темную лестницу, ведущую обратно под дождь, а затем медленно потянула на себя тяжелую железную створку. Замок лязгнул с глухим удовлетворением хищника, поймавшего добычу в ловушку.

— Мне нужно позвонить, — хрипло сказала она, глядя только на дымящийся стакан. — Мой телефон... — Твой телефон сейчас лежит на дне Яузы вместе с аккумулятором, — перебил Аркадий, возвращаясь к протиранию рюмки. — Если ты пришла прятаться к Краснову, то выбрала плохой день. У него сегодня ревизия совести.

Илья почувствовал, как мышцы спины напряглись сами собой. «Краснов» была фамилия адвоката, фотографии убийства которого лежали на дне канавы. Фотографии, которые должен был принести его мертвый информатор. Илья медленно, миллиметр за миллиметром, повернулся на высоком табурете, чтобы лучше видеть девушку. Под промокшим плащом угадывалось дешевое офисное платье. Юрист? Секретарь?

— Вы ошибаетесь, — прошептала Соня, но пальцы, сжимающие папку, побелели еще сильнее. — Я просто шла мимо. Искала такси. Зашла переждать ливень.

В этот момент майор Громов взял со салфетки седьмой, зажатый в пальцах патрон. Положил его на ладонь. Затем одним плавным, отработанным десятилетиями движением вставил магазин в рукоять пистолета. Сухой щелчок затвора, загнавшего патрон в ствол, перекрыл шум дождя за окном.

Звук ударил по ушам.

Скульптор едва заметно дернул уголком рта. Это нельзя было назвать улыбкой. Это была констатация факта: правила игры изменились. Оружие в баре доставать было не принято — это считалось дурным тоном, моветоном для джентльменов преступного мира. Но Громов никогда не претендовал на звание джентльмена. Он поднял руку, поймал взгляд бармена и положил заряженный Макарова на стол перед собой, накрыв его сверху левой ладонью. Сигнал был ясен: пока девочка здесь, стрельбы не будет. Или начнется такая бойня, что старый кирпич стен полетит во все стороны.

Аркадий вздохнул. По-настоящему, тяжело, впервые за вечер. Он достал из-под стойки тяжелый дисковый телефонный аппарат времен холодной войны. Поставил его рядом со стаканом девушки. Крутнул диск, набирая внутренний номер. — Дядя Коля, — сказал он в трубку, когда там ответили сиплым кашлем. — У нас течь в подвале. Встань на ящик

возле красного кабеля, иначе твои архивы поплывут в канализацию. И принеси гостье сухие носки.

Соня смотрела на черный корпус телефона так, словно видела инопланетный артефакт. Она медленно опустила свою драгоценную, размокшую папку на колени, освобождая руки.

— Кто вы такие? — спросила она, переводя взгляд с каменного лица Скульптора на уставшие глаза Ильи. — Мы те, кому больше некуда идти, — ответил за всех Громов. Его голос звучал надтреснуто, как старая пластинка. — А теперь пей свой чай, девочка. И выкладывай, чей скелет ты притащила в эту могилу на своих плечах.

Он кивнул на пластиковую папку. Вода уже просочилась сквозь швы пластика, и по коленям девушки начало расплываться темное пятно. Документы были безвозвратно испорчены. Кроме одного.

Илья прищурился. Уголком глаза он заметил движение. Скульптор осторожно, двумя пальцами, взял салфетку и подтянул свой стакан ближе. Лед почти растаял. Маленький силиконовый пакетик всплыл к поверхности воды, став видимым лишь на долю секунды — как пузырек воздуха в стекле.

Скульптор накрыл стакан широкой сухой ладонью, создавая вакуум. Когда он убрал руку, льда не было. На дне осталась только талая вода и невидимая смерть карьеры мэра. Бармен прав: сегодня у всех ревизия совести.

— Меня зовут Софья Андреевна Зимина, — внезапно четко произнесла девушка, выпрямив спину. Вода перестала стекать с нее ручьями, теперь она просто сидела тяжелым грузом в складках ткани. — Я дочь Андрея Петровича Зимина.

Фамилия повисла в воздухе, отравляя его окончательно. Андрей Зимин владел половиной строительного бизнеса города. Три года назад он выпал с шестнадцатого этажа своего пентхауса. Следствие назвало это самоубийством на фоне депрессии. Никто не поверил, включая тех, кто подписывал заключение о смерти.

Громов медленно выдохнул. Его рука чуть крепче прижала пистолет к столешнице.

— Папка, — коротко бросил майор.

Соня сглотнула. Она дрожащими пальцами растегнула мокрую кнопку на обложке. Пластик раскрылся с влажным, чавкающим звуком. Внутри действительно была каша из

целлюлозы. Спрессованные листы судебных исков, банковских выписок и распечаток электронных писем превратились в серый, бесформенный ком.

Но между этим комом и задней стенкой папки лежал один-единственный предмет, который вода не тронула. Небольшой конверт из плотной черной бумаги. Такие используют для хранения старых негативов или рентгеновских снимков.

— Отец оставил это мне, — сказала Соня. — Сказал вскрыть, если с ним что-то случится. Я... я забыла про нее. Носила документы на переоформление квартиры, а конверт завалился за подкладку папки. Сегодня днем ко мне пришли люди. Сказали, что знают про конверт. Я бежала.

Она толкнула конверт по мокрой стойке в сторону Громова. Майор даже не шелохнулся. Конверт замер точно посередине разделительной линии между их территориями. Ни чьей земле.

Илья смотрел на черную бумагу. Информатор мертв. Фотографий нет. Но эта девочка принесла нечто иное. Что-то, ради чего людей выкидывают из окон пентхаусов.

— Открой, — приказал Громов, не глядя на Соню. Его

взгляд был прикован к руке Скульптора. Тот медленно, методично катал пустой стакан по липкому дереву стойки. Вперед-назад. Вперед-назад. Ритм гипнотизировал.

— Я не могу, — голос Сони сорвался. — Там ключ. От банковской ячейки. И флешка. Код от ячейки знает только мой адвокат. Мертвый адвокат.

Илья усмехнулся. Впервые за весь вечер на его лице появилось подобие жизни. Горькое, злое веселье человека, который три часа ждал призрака и дождался вместо него катастрофу.

— Значит, мы приехали, — констатировал он. — Полный тупик.

Внезапно свет мигнул. Раз, другой. Старые лампы дневного света под потолком издали низкочастотный гул, готовый перегореть. Напряжение в сети упало.

А потом снизу, из-под гнилых досок пола, раздался звук, который невозможно спутать ни с чем другим в мире. Короткий, злой треск электрического замыкания. За ним последовал нарастающий, утробный рев воды.

Дядя Коля внизу не успел встать на красный кабель. Трубу

прорвало окончательно.

Черная ледяная вода ударила в потолок первого подземного уровня фонтаном. Потоки грязи и мусора хлынули вниз, вымывая тридцать лет городского позора. Архивы дяди Коли превращались в однородную массу. Но самое страшное происходило не там.

Главный электрический щиток бара находился именно там, куда пришелся основной удар потока.

Свет погас полностью.

Бар «Полуночный перекрёсток» погрузился в абсолютную, первобытную темноту. Единственным источником освещения остался тусклый зеленый индикатор батареи на старом телефоне Аркадия да слабый луч ручного фонаря, который бармен тут же направил на входную дверь.

— Всем сидеть на местах, — голос Аркадия стал сталью. — Лестница ведет в трансформаторную будку. Если откроем дверь сейчас, сгорим заживо от дуги. Будем ждать аварийную бригаду.

В темноте звуки обострились. Шум хлещущей воды. Судорожный вдох Сони. Глухой стук — это локоть Ильи задел

пустую чашку, и она упала на бетонный пол, разлетевшись вдребезги.

И тихий, скользящий звук.

Кто-то встал со своего места. Табурет скрипнул.

Илья вытянул руку в сторону стойки, пытаясь найти опору, и коснулся влажной ткани. Это был рукав Скульптора. Контрабандист стоял.

— Куда? — шепотом спросил Илья в темноту. Ответа не последовало. Вместо этого раздался короткий всплеск. Скульптор ногой смел свой стакан со стойки. Стекло разбилось где-то у пола.

А затем Илья услышал самый опасный звук этой ночи. Тихое, металлическое клацанье. Словно кто-то открыл пружинный нож. Или снял оружие с предохранителя.

В крошечной тьме, отрезанные от мира потоками грязной воды и собственным прошлым, они остались вчетвером. Плюс дядя Коля, чьи кости наверняка уже ломала стихия внизу. И содержимое черного конверта, которое сейчас стоило дороже всех жизней в этом полуподвале.

Глава 2. Экономика темноты

В темноте обостряется не зрение, а слух и обоняние. Илья перестал быть частным детективом, человеком с лицензией и долгами перед банком. Он превратился в набор биологических датчиков.

Он слышал тяжелое, астматичное дыхание Скульптора — тот панически боялся замкнутых пространств, хотя никогда бы в этом не признался. Слышал, как майор Громов медленно перекачивает седьмой патрон внутри пустого магазина большим пальцем — тактильный якорь для человека, чья жизнь только что потеряла единственную внешнюю опору. Слышал тихий, монотонный плач Сони Зиминой где-то у дальнего дивана. И под всем этим — нарастающий рев воды, которая уже поглотила первый уровень подвала и теперь лизала гнилые опоры самого «Перекрёстка».

— Света нет пятьдесят секунд, — голос Аркадия прозвучал ровно, но чуть ближе, чем раньше. Бармен переместился от стойки к центру зала. В его руке больше не было фонаря. — Вода внизу зальет кабели связи через три минуты. Мы ослепнем и оглохнем.

Илья почувствовал движение воздуха слева. Кто-то прошел мимо него, ступая абсолютно бесшумно по залитому бе-

тону. Это был не Скульптор — шаги того всегда сопровождались легким скрипом дорогой кожи. Незнакомец двигался как тень.

Щелчок. Короткий, сухой звук кремня, высекающего искру. Вспышка была такой яркой после абсолютной тьмы, что Илья зажмурился, чувствуя резь в глазах. Запахло дешевым газом и табаком.

Аркадий закурил трубку. Тяжелая, изогнутая вишневая трубка осветила нижнюю половину его лица адским багровым светом. Этого хватило, чтобы оценить геометрию комнаты.

Скульптор стоял у бильярдного стола. Его рука лежала на зеленом сукне рядом с треугольником из шаров. Вторая рука исчезла за бортом стола — там, где профессиональные игроки прячут мелок, а убийцы держат заточку или пистолет.

Громов сидел неподвижно. Пистолет все еще лежал под его ладонью, но палец лег на спусковую скобу. Майор смотрел прямо на черный конверт, который Соня так и оставила лежать на стойке. Конверт промок снизу, черная бумага начала пузыриться.

— У нас есть два выхода, — Аркадий выпустил клуб си-

зого дыма, который красиво рассеялся в конусе света. — Ждать спасателей здесь и надеяться, что ток в воде убьет нас быстрее, чем рухнет потолок. Или идти вниз.

— Вниз? — переспросила Соня. Ее голос дрожал, но в нем прорезались истерические нотки. — Там же вода! Нас затопило! — Затопило подвал, — поправил бармен. — А мы сидим в полуподвале. Разницу чувствуешь? Уровень пола здесь выше на метр двадцать. Но лестница... Лестница ведет сквозь воду.

Илья понял. Железная дверь во двор находилась в торце помещения, за туалетом. Чтобы до нее добраться, нужно было пройти вдоль всей стойки, обогнуть диванную зону и спуститься по короткой лесенке из трех ступеней в технический приямок, где обычно стояли пивные кеги. Сейчас этот приямок превратился в бассейн с ледяной грязной водой неизвестной глубины.

— Я не полезу туда, — прошептала Соня. — Я не умею плавать. И там крысы. — Крысы давно утонули, — отрезал Аркадий. — Остались только те вещи, которые люди прятали от таких, как вы. Выбор простой: либо ты тонешь в собственном прошлом вместе с дядей Колей, либо плывешь в будущее. Только сначала придется заплатить пошлину.

Трубка переместилась. Красный уголек указал на столик в самом углу, куда почти не проникал даже этот скудный свет. За столом кто-то сидел. Тот самый человек, чьи шаги Илья слышал минуту назад.

Незнакомец поднял голову. Лицо скрывала тень широкополой шляпы, которую он почему-то не снял в помещении. Видны были только руки — бледные, тонкие, аристократичные пальцы, перебирающие края какой-то ткани на коленях.

— Ритуал соблюден, — произнес незнакомец высоким, лишенным возраста голосом. — Вы заперты. Огня мало. Страх велик. Говорите. — Ты рехнулся, Аркадий? — рыкнул Громов. — Какая пошлина? Какой ритуал? Нам нужен лом, чтобы выбить решетку окна, а не сеанс психоанализа. — Окно заварено снаружи десять лет назад, когда тут еще была рюмочная, — спокойно ответил бармен. — Лом вам поможет сломать себе череп. Это Дед. Он решает, кто выйдет отсюда ногами вперед, а кто просто выйдет. Рассказывайте. Время пошло. Вода поднимается.

Дед слегка кивнул, словно подтверждая слова Аркадия. Его пальцы замерли. На коленях лежал кусок плотной мешковины, пропитанной дегтем.

Илья почувствовал, как холодный пот стекает между ло-

патками. Это не было бандитским понятием. Это было хуже. Это была первобытная магия места. Когда цивилизация отключает рубильник, людьми начинают править их собственные тени.

— Я первая, — внезапно твердо сказала Соня. Она встала, пошатываясь подошла к столу Деда. Вода в ее туфлях хлюпала при каждом шаге. — Мой отец не падал. Его толкнули. Потому что он узнал про счета вице-губернатора в офшорах. Вот. Она протянула Деду руку. На мокрой ладони лежал крошечный ключ. Золотой, старый, с гербом швейцарского банка, который вымыло из черного конверта, пока они сидели в темноте. Ключ от ячейки, которой она не могла воспользоваться.

Пальцы Деда метнулись вперед со скоростью атакующей змеи. Он схватил ключ. Сунул его глубоко в карман своего пальто. Посмотрел на Соню. — Откуп принят, — прохрипел он. — Боль отца оплачена твоим страхом. Ты пройдешь первой. Если выживешь.

Соня отшатнулась, зажимая рот рукой, чтобы не закричать. Она отступила обратно к диванам, села и обхватила колени руками, мелко дрожа.

Взгляд Деда переместился на Илью. — Частный глаз.

Ждешь мертвеца. Что принес ты? — Информацию, — Илья заставил себя разжать стиснутые челюсти. — О том, как город ест своих детей. Мне нужны были фотографии убийства адвоката Краснова, чтобы прижать одного застройщика. Фотограф мертв. Но у меня остался диктофон. Запись разговора с заказчиком подставы. — Звук нельзя съесть, когда ты голоден, — Дед растянул губы в улыбке, обнажая металлические зубы. — Диктофон. Сюда.

Это был приказ. Илья медленно достал из внутреннего кармана старенький цифровой Olympus. Протянул его через стол. Дед взял устройство, взвесил на ладони и без замаха бросил в темноту за своей спиной. Звук удара пластика о бетон возвестил, что улика уничтожена. — Откуп принят, — повторил Дед. — Твоя профессия умерла сегодня в этой трубе. Ты выйдешь вторым. Без камеры ты бесполезен. Станешь грузчиком.

Теперь над столом возвышалась фигура Скульптора. Контрабандист молчал. Он вообще предпочитал тишину словам. Он положил обе руки на бильярдный стол ладонями вверх. На правой ладони лежал маленький силиконовый пакетик с компроматом на мэра. Сухой. Он успел вытащить его из льда до того, как стакан разбился. На левой ладони ничего не было. Кроме старого, белого шрама, перечеркнувшего линию жизни.

Дед наклонился ниже. Шляпа упала с его головы, но лицо по-прежнему оставалось в тени. Он долго смотрел на пакетик. Затем перевел взгляд на левую руку. — Ты прячешь яд в стакане врага, — сказал Дед. — Но держишь нож за своим поясом для друга. Город хочет твоей смерти, Скульптор. Мэру нужна кровь, чтобы смыть позор выборов. Ты знал это, когда шел сюда. — Я знаю это сейчас, — голос Скульптора впервые дрогнул. Он сглотнул. — Пакет уйдет тому, кто заплатит больше. Мэр или федералы. Мне все равно. — Тебе не все равно, — Дед вдруг резко выбросил свою тонкую руку вперед и коснулся указательным пальцем шрама на ладони контрабандиста. — Здесь живет твой брат. Ты пришел не продавать. Ты пришел спрятать это так далеко, чтобы никто не нашел. Даже ты сам.

Скульптор дернулся, как от удара током. Он попытался отдернуть руку, но пальцы Деда оказались железными клещами. — Брось это в воду, — приказал Дед. — Прямо сейчас. Пусть мэр спит спокойно, а федералы ищут призраков. Иначе я расскажу тебе, как именно умер твой брат. В деталях. Пока будет гореть спичка.

Скульптор издал странный звук — нечто среднее между всхлипом и рычанием. Он размахнулся и швырнул силиконовый пакетик в сторону лестницы. Маленькая белая точка

мелькнула в красном свете трубки Аркадия и беззвучно исчезла в черной, бурлящей жиже внизу. Вместе с карьерой мэра. Вместе с будущим шантажиста.

— Откуп принят, — удовлетворенно кивнул Дед, отпуская руку Скульптора. — Ты выйдешь последним. Чтобы убедиться, что остальные ушли.

Три пары глаз уставились на майора Громова. Майор не шевелился. Он продолжал катать пустой магазин пистолета в руках. Семь гнезд. Шесть пусты. Одно занято невидимым патроном, которого там больше не было — он уже был в стволе.

Громов поднял голову. Красный свет трубки отразился в его абсолютно спокойных, выцветших глазах. — Я ждал здесь курьера, — сказал он. — Курьер должен был принести мне флешку. Данные со спутника слежения за северным участком промзоны. Завтра утром там начнется стройка элитного ЖК. Под землей — захоронение токсичных отходов восьмидесятых. Если пресса узнает, бюджет города лопнет. Флешки нет. Курьер убит. Моя карьера закончена. Он открыл ладонь. На ней лежал седьмой патрон. Целый. Неиспользованный. — Я собирался оставить одну пулю для себя. В машине, за мостом. Чисто.

Громов медленно, глядя Деду прямо в глаза, поднес патрон ко рту. Зубами вытянул пулю из гильзы. Выплюнул свинцовый цилиндрик на стол. Он звучно упал на дерево. Затем майор перевернул гильзу и аккуратно высыпал порох на мешковину перед Дедом. Серые крупинки смешались с дегтем.

— Вот мой откуп, — сказал Громов. — Порох для ваших демонов. Взамен я хочу выйти отсюда. И забрать девчонку. Ей не место в вашей грязи.

Дед посмотрел на рассыпанный порох. Потом на майора. Затем его голова медленно повернулась к Аркадию. Бармен вынул трубку изо рта. Загасил ее о подошву ботинка.

— Договор скреплен, — произнес Аркадий в наступившей тишине, нарушаемой лишь ревом воды. — Вода поднялась до нижней ступени. Идем по одному. Первым идет тот, кто легче всех. Девочка. Держись за перила слева, там труба отопления. Не отпускай. Если уйдешь под воду — ори. Услышим. Может быть.

Соня тихо заскулила, но покорно встала. Сделала шаг к лестнице. Черная бездна внизу ждала ее.

Глава 3. Крещение

— Я пойду первым, — голос Ильи разрезал тишину раньше, чем Соня успела сделать шаг в сторону лестницы.

Аркадий медленно повернул голову. Красный уголек трубки на мгновение замер прямо на лице детектива. — Уступать очередь не по правилам Перекрестка, — проскрипел Дед. Его пальцы снова начали перебирать дегтярную мешковину. — Трусость карается первой волной. — Это не трусость, — Илья встал, разминая затекшую шею. Звук позвонков прозвучал как взводимый курок. — Это физика. В ней весу пятьдесят килограммов. Во мне девяносто с пальто. Если лестница под нами обломится или там яма от крыс, пусть лучше ее затянет течением и выбросит у решетки. Меня просто расплющит о потолок. Логика.

Он говорил уверенно, но внутри все скручивалось ледяным узлом. Илья ненавидел воду. Ненавидел темноту. А больше всего он ненавидел людей, которые играют в благородство, потому что за это всегда приходится платить двойную цену.

— Пусть идет, — неожиданно подал голос Громов. Он даже не посмотрел на Илью, продолжая изучать рассыпанный порошок. — Вода прибывает быстрее, чем мы думаем. Через две минуты уровень поднимется до проводки щитка. Тогда

Аркадий будет освещать нам путь своими зубами.

Бармен хмыкнул, выбил трубку в пустую жестянку из-под леденцов и достал из-под стойки массивный водонепроницаемый фонарь «ЭРА». Щелкнул кнопкой. Узкий, ослепительно-белый луч ударил в низкий потолок, заставив всех зажмуриться.

— Хорошо, — согласился Аркадий. — Иди ты. Но если она захлебнется, Скульптор сломает тебе ноги. Ему скучно ждать последним.

Скульптор никак не отреагировал на слова бармена. Он стоял у бильярда, прислонившись плечом к борту, и смотрел на свои руки. Для человека, только что спустившего в канализацию состояние, он выглядел слишком умиротворенным. Словно пакетик с компроматом был тяжелее свинца, и теперь, избавившись от него, он впервые за десять лет смог дышать полной грудью.

Илья подошел к лестнице. Металл ступеней уже покрылся холодной испариной. Луч фонаря Аркадия скользнул вниз, во тьму технического приямка. Вода была черной, густой, в ней плавали размокшие картонные коробки дяди Коли, похожие на трупы утопленников. От поверхности шел пар — холод подземелья столкнулся с теплом лопнувшей трубы

отопления.

— Левая сторона, — повторил Илья для девушки, стараясь не смотреть на черную жижу. — Там труба. Она выдержит нас обоих. Спускайся спиной вперед.

Соня кивнула. Ее зубы стучали то ли от холода, то ли от шока. Она села на край верхней ступени, свесила одну ногу, нащупала опору ниже и начала медленно сползать в преисподнюю.

Когда вода коснулась ее колен, она вскрикнула. — Тихо! — рывкнул снизу Илья. Он уже стоял по пояс в ледяной грязи. — Хватай трубу. Чувствуешь? Над головой. Руки туда.

Луч фонаря метался по стенам, выхватывая облупившуюся зеленую краску и толстые пучки старой проводки. Соня слепо зашарила руками над собой, нашла ржавое железо судорожными пальцами и вцепилась в него так, что побелели костяшки.

— Идем, — выдохнул Илья. — Шаг влево — засосет в ил. Держись за мой ремень.

Вода поднялась еще выше. Теперь она доходила девушке до груди, а Илье — до солнечного сплетения. Дышать стало

тяжело, воздух внизу был спертым, пахнущим озоном, мокрой гнилью и жженым пластиком. Где-то совсем рядом, под слоем воды, трещало электричество.

Они сделали два шага. Впереди показалась арка выхода во двор — прямоугольник абсолютной черноты. Спасение было в десяти метрах.

В этот момент свет фонаря Аркадия мигнул. Раз. Второй. И погас.

— Черт! — рыкнул бармен откуда-то сверху, из безопасного полумрака бара. — Замкнуло ввод!

Тьма стала абсолютной. Даже красный свет далекой трубки Деда исчез — видимо, тот прикрыл ее ладонью. Остались только звуки: шум хлещущей воды, собственное оглушительное сердцебиение и тихий, захлебывающийся скулеж Сони.

— Не отпускай трубу! — крикнул Илья, перекрывая рев потока. — Я сейчас...

Его нога потеряла опору. Дно в этом месте резко уходило вниз — старая смотровая яма для ремонта труб, которую забыли закрыть листом железа. Ил на краю ямы обвалился.

Холод сомкнулся над его головой. Вода обожгла легкие. Илья ушел на дно мгновенно. Девяносто килограмм веса потянули его вниз, как камень. Пальто намокло, превратившись в бетонный саркофаг, оно тянуло назад, цепляясь рукавами за невидимый мусор.

Легкие вспыхнули огнем. Глаза были открыты, но в этой черной взвеси не было разницы. Он видел только собственные веки. Легкие требовали вдоха. Инстинкт орал: открой рот, сделай глоток, прекрати эту пытку.

Пальцы судорожно искали опору. Нашупали край металлической лестницы, которая шла вдоль стены ямы. Илья попытался подтянуться, но воротник пальто зацепился за торчащий из бетона кусок арматуры. Детектив дернулся. Ткань затрещала, но держала. Он тонул, подвешенный за шиворот в двух метрах от спасительного воздуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.